

Дарья Ятт

Гранит
и
серебро

Дарья Ятт

Гранит и серебро

<https://litres.ru/74392034>

SelfPub; 2026

Аннотация

Современный Санкт-Петербург одержим культом вечной юности, тайм-менеджментом и изнурительной гонкой за успехом.

Но тридцатилетняя Софья, реставратор старинных книг, упрямо отказывается жить по правилам мегаполиса. В её уединенном мире на Васильевском острове царит безупречный порядок. Она возвела вокруг своего покоя несокрушимые гранитные стены, защищающие её от удушающей заботы тетушки, фальшивых светских раутов и успешных, но внутренне выгоревших мужчин.

Всё меняется, когда в тишине букинистического магазина Софья сталкивается взглядом с Павлом — талантливым и подчеркнуто надменным архитектором, который прячет в уединении собственную глубокую усталость от столичного лицемерия. Это мимолетное событие становится безмолвной дуэлью двух сильных умов.

Судьба упрямо сводит их заставляя сделать выбор. Что победит в этом столкновении — гордое затворничество или мужество разрушить собственные крепости ради подлинного чувства?

Содержание

Глава I	4
Глава II	8
Глава III	12
Глава IV	16
Глава V	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Гранит и серебро

Глава I

Всеобщая истина, признаваемая в современном обществе, заключается в том, что Санкт-Петербург создан исключительно для неспешного созерцания, поэтических раздумий и благородной меланхолии. В представлении провинциальных мечтателей этот город видится декорацией к классическому роману, где дни протекают в изящных прогулках вдоль каналов, а вечера — за тихими разговорами под шорох дождя.

О том, что реальность безжалостно разбивает эти иллюзии, обыкновенно умалчивают. Современный город требует от своих обитателей не поэзии, а безупречной силы воли и идеального тайм-менеджмента, подзарядки для гаджетов и участия в бесконечной, изнурительной гонке, которую здесь стыдливо именовали «самореализацией».

Софья, к глубокому сожалению своей тетушки, не имела ни малейшей склонности к этой суете. Переехав из тихого городка ради учебы и оставшись для службы в реставрационном бюро, она обнаружила, что Петербург требует от нее гораздо больше энергии, нежели она готова была уступить. Стоял конец августа. Летний зной, утомляющий Софью своей навязчивой яркостью и толпами туристов, наконец-то от-

ступал. Ночи становились длиннее и прохладнее, а воздух дышал предчувствием осени.

В эту пору Софья вступала в тот благословенный период женской зрелости, когда разум окончательно освобождается от девических иллюзий, уступая место спокойному достоинству и знанию истинной цены вещей. Этот рубеж, нередко пугающий её ровесниц необходимостью маскировать следы времени, Софья встречала с редким для её лет великодушием. Её не огорчали те немногие серебряные нити, что едва приметно коснулись волос у висков; в них она видела лишь благородное изящество прожитых лет.

Однако природа наделила Софью столь хрупким сложением и мягкими, тонкими чертами лица, что внешний её облик упрямо протестовал против внутреннего опыта. Сие обстоятельство служило источником нескончаемого и весьма утомительного недоразумения. Общество, привыкшее судить исключительно по фасаду, упорно отказывалось признавать в ней взрослого человека. Продавцы в лавках неизменно требовали у неё подтверждения совершеннолетия, а случайные собеседники благожелательно расспрашивали о выборе будущего университета. Эти расспросы наводили на Софью смертельную скуку, ибо ей претило, что мир, одержимый культом вечной юности, отказывал ей в праве на её честно заработанную, тихую мудрость.

В тот вечер Софья стояла у высокого окна своей квартиры на Васильевском острове. Набережная была забита гудя-

щими в пробке машинами. Люди внизу не гуляли — они бежали, согнувшись, раздраженно проверяя рабочие чаты на ходу. Город был истощен собственной спешкой. Люди сами создавали суету и сами же от нее страдали, но не хотели признавать это.

Самое опасное заблуждение мегаполиса состоит в том, что суету в нем легко принять за полноту жизни, а физическую усталость — за душевное удовлетворение. Мы бежим не потому, что стремимся к цели, а из страха остановиться и услышать собственную пустоту.

Софья мягко перевернула телефон экраном вниз. Она уже предвкушала, как проведет этот предосенний вечер в тишине. Но квартира огласилась требовательной, бодрой мелодией звонка от Киры — подруги, чья жизнь напоминала непрерывный, хаотичный перформанс.

— Соня, открылся новый секретный бар на Некрасова! — завывала в трубку Кира. — Туда пускают только по рекомендациям, там диджей из Берлина! Я уже взяла нам такси, буду через пять минут. Не смей мне отказывать, я выгорела на работе и мне срочно нужно расслабиться!

Спустя полчаса Софья стояла посреди переполненного, душного помещения. «Секретность» бара не помешала выстроиться на входе огромной очереди из таких же уставших, но отчаянно жаждущих трендов горожан. На входе суровый охранник брезгливо оглядел Софью и резко бросил: «Девушка, паспорт покажите. Несовершеннолетним нельзя». Софья

устало вздохнула, достала документ, привычно наблюдая, как вытягивается лицо мужчины при виде года рождения. Ей было тридцать, но этот город упорно пытался запереть её в подростковом возрасте.

Современное общество изобрело весьма изощренную пытку: оно заставляет изнуренных людей собираться в тесных пространствах и делать вид, будто оглушительный шум и теснота способны вернуть им радость бытия.

Кира с бледным лицом уже пробилась к стойке, снимая видео для блога и крича про «невероятную атмосферу». Вокруг них люди с бокалами увлеченно обсуждали стартапы, пытаясь перекричать басы диджея.

Мы часто путаем праздность с миром, а суету — с полной жизни. Однако истинное равновесие наступает лишь тогда, когда одобрение собственной совести становится важнее мнения всего света. В этом шумном вертепе каждый искал подтверждения своей значимости в глазах случайных прохожих, совершенно позабыв, каково это — быть важным для самого себя.

Софья сделала глоток коктейля. Ей стало очевидно: этот бар был не побегом от усталости, а ее апофеозом. Именно в эту секунду Софья как никогда остро ощутила, что ее личное «убежище души» находится бесконечно далеко отсюда.

Глава II

Субботнее утро Софьи началось вовсе не с тихой чашки кофе, а с резкой головной боли — верного сувенира из вчерашнего бара — и решительного звонка в дверь. На часах было едва за десять. Людмила Иосифовна, тетушка Софьи, впорхнула в квартиру вместе с ароматом дорогих духов и неиссякаемым запасом бодрости.

— Софья, душа моя! — воскликнула тетушка, даже не дождавшись, пока племянница закроет дверь. — Ты всё еще в халате? И этот бледный вид! Субботы созданы для того, чтобы покорять мир, а не для того, чтобы подпирать стены. Кира уже выложила в сеть три десятка историй из нового места на Некрасова, а ты выглядишь так, словно тебя держали в подвале! Хотя, должна признать, в твои без пяти минут тридцать ты всё ещё выглядишь как нашкодившая школьница. Но эта твоя манера игнорировать уход за собой! Я заметила у тебя седой волос возле уха, Софья! О чем ты думаешь? В твоём возрасте женщины борются за каждый день молодости, а ты сидишь тут как сонная царевна!

Софья мягко улыбнулась, внутри у нее все сжималось от звуков этого слишком громкого голоса. Ей стоило больших сил напомнить себе, что Людмила Иосифовна действует исключительно из искренней (хотя и чрезмерно удушающей) любви.

— Доброе утро, тетя Люся. Я была вчера с Кирой в том самом баре, — тихо ответила она, надеясь, что этот факт смягчит судейский тон гостыи.

Но Людмилу Иосифовну было не так легко сбить с наменного курса. Она уже критически осматривала гостиную, неодобрительно задерживая взгляд на зашторенных окнах.

— Была? Ну надо же! Значит, ты наконец-то прислушалась к моему совету выходить в свет, — тетушка присела на край кресла, будто боялась, что излишний комфорт сделает её такой же «вялой». — Но почему с таким лицом, Софья? Наше общество не прощает усталости. В этом городе нужно бежать в два раза быстрее, чтобы просто оставаться на месте. Стоит тебе на секунду замолчать или уйти в тень, как твое место займет кто-то другой. Одиночество в твои годы — это удел тех, у кого не хватило характера заявить о себе!

Софья слушала её, чувствуя, как комната стремительно наполняется той самой суетой, от которой её разум пытался укрыться. Ей было искренне жаль тетушку, которая мерила ценность человеческой жизни исключительно по шкале внешней активности и гладкости кожи.

Светские люди часто путают одиночество с покинутостью, а уединение — со скукой. Им кажется, что если сердце не занято бесконечными разговорами ни о чем, то оно непременно страдает. Они не способны понять, что для зрелого разума тишина — это не пустота, а единственное пространство, где можно услышать истину.

— Мне кажется, тетушка, — мягко, но твердо произнесла Софья, разливая чай, — что если бежать слишком быстро, можно пробежать мимо самой себя. А что касается седины — это лишь знак того, что мой разум наконец-то приобретает должный опыт. Зачем мне прятать то, что делает меня мной?

Людмила Иосифовна посмотрела на племянницу с легким ужасом.

Нет более утомительного и грустного зрелища, нежели человек, тратящий остатки своих душевных сил на поддержание видимости абсолютного благополучия ради одобрения тех, кого он втайне презирает.

— Ты рассуждаешь как провинциалка, Софья, — вздохнула тетушка. — Равновесие, о котором ты мечтаешь, — это роскошь для пенсионеров. А в Петербурге нужно уметь блистать. И раз уж твоя собственная рассудительность завела тебя в этот тупик, мне придется взять дело в свои руки. Сегодня в семь вечера ты приглашена на ужин в ресторан на Крестовском острове. Там будет Марк Александрович. Ему всего тридцать пять, руководитель инвестиционной компании, невероятно продуктивен! Он спит по четыре часа в сутки и планирует жизнь на десять лет вперед. Вы станете идеальной парой. И никаких возражений!

Когда за Людмилой Иосифовной наконец закрылась дверь, Софья опустилась на диван. Ей предстоял вечер в обществе человека, который, кажется, был абсолютным вопло-

щением той самой петербургской спешки, от которой она так отчаянно пыталась защититься.

Самое тяжелое испытание для человека, ищущего душевного равновесия, заключается не в том, чтобы переносить одиночество, а в том, чтобы выдерживать присутствие людей, одержимых суетными амбициями. Их беспокойный дух подобен сквозняку — он безжалостно гасит то тихое пламя, которое ты с таким трудом развел в своей душе.

Глава III

Ресторан на Крестовском острове являл собой именно то зрелище, которое способно внушить трепет неопытному уму и навести смертельную скуку на человека с устоявшимся вкусом. Здесь всё кричало о чрезмерной роскоши.

Марк Александрович прибыл ровно в назначенное время. Он был безупречно одет, однако в его осанке сквозило то едва заметное напряжение, которое всегда выдает человека, играющего не свою роль. Марк то и дело поправлял дорогие часы на запястье, разговаривал с официантом подчеркнуто снисходительным тоном. Он отчаянно боялся потерять то, чего добился, и потому судорожно строил из себя куда более значимого человека, чем был на самом деле. Увидев Софью, он на секунду растерялся, и на его лице промелькнула легкая, почти покровительственная улыбка, какую адресуют младшим родственникам.

— Рад знакомству, Софья, — произнес он, положив телефон на стол экраном вверх. — Людмила Иосифовна сказала, что вам скоро тридцать, но, признаться, я бы дал вам не больше девятнадцати. Моложавость в наше время — хороший актив для личного бренда. Хотя, конечно, в вашем возрасте пора уже думать о серьезных инвестициях времени. Время — это капитал, и тратить его на простое созерцание — нелепо.

Софья спокойно смотрела на своего визави. Ей хватило пяти минут, чтобы разглядеть за этой броней из терминов глубокую, почти паническую тревогу. Марк не жил — он оборонялся. И его дежурный комплимент по поводу её внешности прозвучал для неё как очередная пошловатая светская оценка.

Человек, чье богатство и положение не являются плодом долгого внутреннего роста, обречен на вечный страх. Он судорожно цепляется за внешние атрибуты успеха, полагая, будто дорогая машина или столик в модном ресторане способны скрыть от мира его собственную уязвимость. В его спешке нет величия — в ней есть лишь паника беглеца, который боится, что его истинное "я" вот-вот будет разоблачено.

— Капитал бывает разным, Марк Александрович, — мягко ответила Софья. — Душевное спокойствие — тоже своего рода валюта. И, кажется, в современном Петербурге она в дефиците. А что касается моего возраста — я слишком ценю свои годы, чтобы радоваться, когда их путают с девятнадцатью. В девятнадцать человек принадлежит чужим иллюзиям, а в тридцать — наконец-то самому себе.

Марк открыл было рот, чтобы выдать очередную заготовленную тираду, но вдруг телефон на столе затрепетал от яростной, непрерывной вибрации.

— Извините, Софья, я обязан ответить. Это партнер из Москвы, — торопливо произнес он. Поговорив минуту заискивающим тоном, он опустил телефон. — Произошел форс-

мажор на азиатских торгах. Мне нужно срочно в офис. Вы же понимаете, миллиарды не ждут. Я оплачу счет. Такси Вам вызовет хостес. Рад был... познакомиться.

Он бросил на стол карту и почти бегом устремился к выходу. Софья осталась одна за столиком на двоих. Нет более изысканной вежливости со стороны судьбы, нежели избавить нас от присутствия человека суетного его же собственным поспешным бегством. Мы часто сокрушаемся об утраченных иллюзиях, не сознавая, что их крушение — это первый и самый верный шаг к обретению истинной свободы.

Софья отказалась от такси. Ей до смерти захотелось пройти пешком. Выйдя из душного заведения, она вдохнула прохладный, влажный воздух Крестовского острова. Деревья тихо шелестели в темноте, и с Финского залива дул прохладный ветер. Ее путь лежал через мосты в сторону Васильевского острова. Ночной Петербург безжалостно сбрасывал дневную деловую маску. Софья шла спокойным и размеренным шагом.

Пешая прогулка в уединении обладает удивительным свойством исцелять разум. Когда наши ноги мерно отсчитывают шаги по земле, мысли невольно приходят в такой же безупречный порядок. Город вокруг может продолжать свой безумный бег, но ты более не являешься его рабом — ты становишься его внимательным и спокойным наблюдателем.

Она шла мимо закрытых кофеен, ловя себя на мысли, что одиночество на этих пустынных улицах не пугает ее. Ей не

нужно было никому соответствовать. В свои тридцать лет, с первыми серебряными нитями в волосах и чарующей ясностью ума, она была сильнее всей этой светской мишуры.

Истинное мужество в большом городе заключается не в том, чтобы покорить его вершины или заставить всех говорить о себе. Оно состоит в том, чтобы позволить себе роскошь идти своим шагом, не оглядываясь на тех, кто бежит мимо, и находить опору внутри собственного сердца.

Глава IV

Воскресное утро в представлении людей благоразумных создано для того, чтобы продлить очарование сна, а после — предаться чтению или необременительным домашним заботам. Однако для Людмилы Иосифовны воскресенье было прежде всего днем подведения итогов светской недели. И если эти итоги её не устраивали, она почитала своим священным долгом немедленно нарушить покой виновных.

Ровно в девять часов утра, когда Софья уже наливала кофе в чашку, наслаждаясь тихим и спокойным утром, телефон на столе затрепетал от яростной, непрерывной вибрации. Имя на экране не оставляло иллюзий: Марк уже успел составить свой «отчет о сорванных переговорах», и тетушка была вооружена до зубов.

— Софья! — голос Людмилы Иосифовны в трубке вибрировал от смеси драматического ужаса и глубокого разочарования. — Я отказываюсь верить своим ушам! Марк Александрович звонил мне в полдвенадцатого ночи. Он был в глубоком смятении!

— Доброе утро, тетушка, — спокойно ответила Софья, прижимая трубку плечом к уху. — Насколько я помню, Марка Александровича вызвали на срочные переговоры по поводу азиатских рынков. Он покинул ресторан ради спасения своих миллионов.

— Он покинул ресторан, потому что почувствовал твоё полнейшее равнодушие к его персоне! — отрезала Людмила Иосифовна. — Бедный мальчик пытался произвести на тебя впечатление, рассказывал о своих грандиозных планах, инвестициях и личном бренде. А ты? Вместо того чтобы проявить живой интерес, задавать вопросы и восхищаться его продуктивностью, ты делала ему замечания о душевном покое! Ты довела успешного мужчину до того, что он сбежал работать в ночь! Марк сказал, что у него сложилось впечатление, будто ты втайне его презираешь.

Софья невольно улыбнулась. Самолюбие Марка оказалось куда более хрупким, чем его финансовая империя. Его задело не то, что ужин прервался, а то, что его проверенные светские приемы не произвели на провинциальную девушку должного эффекта.

Люди, привыкшие покупать чужое восхищение, более всего боятся спокойного и проницательного взгляда. Всякий раз, когда они сталкиваются с человеком, равнодушным к их внешнему блеску, они склонны винить его в дурном тоне или гордыне, не желая признать, что их собственная значимость оказалась слишком легковесной.

— Я вовсе не презирала его, тетя Люся, — мягко заметила Соня. — Я лишь позволила ему остаться наедине с его главной страстью — его работой. Нам действительно не о чем было говорить. Его жизнь похожа на расписание поездов, а я не хочу жить на вокзале.

— Вокзал! Поезда! Что за нелепые метафоры, Софья! — Людмила Иосифовна тяжело вздохнула в трубку, изображая крайнюю степень утомления. — Ты упускала партию за партией в своем городке, а теперь приехала в столицу и продолжаешь капризничать. В Петербурге не ищут родства душ, здесь ищут надежного партнерства для покорения жизненных вершин. Твое упрямство и эта вечная тяга к уединению погубят твое будущее. Одиночество в большом городе — это не благодать, это диагноз!

Величайшее заблуждение нашего века состоит в том, чтобы считать одиночество поражением. Общество настойчиво внушает нам страх перед тишиной, заставляя соглашаться на любое, даже самое тягостное присутствие, лишь бы не оставаться наедине с собой. Однако истинное равновесие начинается там, где ты перестаешь бояться чужого мнения и осознаешь: быть одной — не значит быть покинутой; это значит быть защищенной.

— Мне жаль, что я расстроила вас, тетушка, — искренне произнесла Софья. — Но я предпочитаю строить свою жизнь сама, пусть даже мои шаги кажутся вам слишком медленными.

Людмила Иосифовна что-то разочарованно пробормотала про «потерянное поколение» и повесила трубку. Софья опустила телефон. Буря утихла.

Софья прошла на кухню и привычным, почти медитативным движением сварила свежую чашку кофе, в надеж-

де выпить ее в спокойствии, нежели под телефонный разговор. Окружающие часто удивлялись её выбору, считая черный кофе слишком горьким, но Софья ценила в нем именно эту честность вкуса. В мире, где всё стремились подсластить — от фальшивых улыбок до пустых обещаний и омолаживающих фильтров, — черный кофе оставался островком подлинности.

Мы так усердно пытаемся сдобрить нашу жизнь искусственной сладостью, маскируя пустоту дней зваными обедами и бессмысленными светскими любезностями, что совершенно теряем способность ценить чистый, неразбавленный вкус реальности. Лишь тот, кто не боится горькой правды о самом себе, способен обрести истинный покой.

Нынешнее поколение принято считать самым просвещенным, свободным и успешным, однако под этим блестящим фасадом скрывается глубокая потерянности. Мы потеряли не богатство и не статус — мы потеряли способность принадлежать самим себе. Наш век изгнал тишину, заменив её непрерывным шумом чужих мнений, и теперь люди судорожно ищут себя в отражении чужих одобрительных взглядов, смертельно боясь заглянуть в собственную душу.

Ей захотелось провести этот воскресный день в месте, где время течет по иным законам. Пока еще теплый, августовский вечер опускался на Петербург, когда Софья свернула на набережную Мойки. Маленький букинистический магазин

прятался в полуподвале старого доходного дома, встречая её ароматом сухих страниц и тишины.

Софья медленно шла вдоль полок. У стеллажа с историческими чертежами стоял молодой человек в простом темном пальто. В его осанке угадывалась та сдержанная петербургская строгость, которую тщетно пытались скопировать завсегдатаи модных ресторанов. Его длинные пальцы бережно держали раскрытый фолиант, но взгляд был устремлен мимо текста. Он казался абсолютно замкнутым, отгороженным от всего мира невидимой стеной.

Софья остановилась чуть поодаль. Она заметила, как судорожно сжались его губы, когда снаружи с резким ревом пронеслась дорогая машина. На его лице на секунду проступило выражение такой глубокой, выстраданной глухой усталости от этого городского шума, что Софье не нужно было слышать его голос, чтобы всё понять. Он аккуратно закрыл книгу и вернул её строго на место. Он мимоходом взглянул на экран своего телефона, на котором бесшумно мигали десятки уведомлений, и с тихим вздохом спрятал его глубоко в карман. Это был жест человека, который полностью признал свое поражение перед этим городом, но остался слишком гордым и закрытым, чтобы делиться своей болью со светом.

Их взгляды встретились.

Произошедшее в следующее мгновение не поддавалось обыкновенным законам светского обхождения. Вместо того

чтобы, согласно приличиям, тотчас отвести глаза и изобразить легкое смущение, в ее гордой осанке появилось нечто воинственное. Она смотрела на незнакомца прямо и сурово, словно безмолвно вопрошая, по какому праву он осмелился нарушить ее уединение.

Молодой человек, со своей стороны, обнаружил, что не способен отвернуться. В чертах этой молодой дамы не было той слащавой любезности, от которой он так устал; напротив, в них читалась та же строгая независимость духа и та же глубокая, ревностно охраняемая замкнутость, которую он столь бережно взращивал в самом себе. Впервые за долгие годы его высокомерие наткнулось на равную, если не превосходящую силу. Его брови слегка сошлись у переносицы, а костяшки пальцев побелели, сжавшись в кулак крепче обычного.

Это не было минутным замешательством. Это была безмолвная, исполненная взаимного упрека и тайного торжества дуэль двух умов, мгновенно узнавших друг друга. Ни один из них не пожелал уступить, ни один не опустил ресниц, дабы не признать своего поражения перед лицом чужой воли. Они созерцали друг друга с суровостью судей. Это длилось секунды, но этого хватило чтобы нарушить душевное равновесие каждого, в масштабе города, это пыль или падающая звезда, мимолетное событие, которое другие не заметили, лишь две души ощутившие вечность.

Скулы незнакомца вдруг напряглись сильнее, в глазах по-

явился балтийский лед. Поправив шарф и засунув крепко сжатые кулаки в карманы он вышел под морозящий дождь и ушел вдоль по набережной закулив сигарету.

Софья осталась одна среди книжных полок. Эта немая встреча произвела на нее куда более сильное впечатление, чем если бы они проговорили час. Существует особенный род гордости, обретенный в уединении, когда человек, уставший от лицемерия и суеты мира, более не ищет сочувствия. Он замыкается в себе не от слабости, а от нежелания размещать свою истинную скорбь на фальшивые утешения толпы. Найти в себе мужество молча признать собственную потерянность — это уже начало исцеления.

Софья поняла, что изнанка петербургского блеска оставляет одинаковые шрамы на самых разных душах. Большой город может забрать у нас время, силы и покой, но он бессилен против человека, который обрел убежище внутри собственного разума.

Глава V

Всякий, кто обладал хотя бы малым прилежанием к изящным искусствам, переступив порог квартиры Софьи, тотчас признал бы в ее убранстве торжество здравого смысла над капризами скоротечной моды. В то время как ее ровесницы бездумно заполняли свои жилища бездушными предметами из шведских лавок, сделанными из прессованных опилок и призванными служить не более двух лет, Софья находила тихое удовольствие в вещах, отмеченных благородной печатью времени.

Ее гостиная являла собой образец той упорядоченной уединенности, какая столь любезна сердцу женщины независимой и склонной к размышлениям. Пространство не было загромождено излишествами, однако каждый предмет здесь занимал место, предписанное ему строгим вкусом хозяйки. Вместо громоздкого современного дивана у окна покоилась изящная кушетка эпохи Регентства, чью потертую шелковую обивку Софья собственноручно вернула к жизни, проявив терпение, коего так не хватает девушкам нашего века.

Особого внимания заслуживал ее рабочий уголок, какой легкомысленный наблюдатель мог бы счесть излишне строгим. На массивном дубовом столе, чья полировка помнила, должно быть, еще времена Георга III, царил безупречный, почти научный порядок. Здесь не было места пустым

безделушкам; напротив, в аккуратных фаянсовых баночках покоились кисти, скальпели и флаконы с тончайшими лаками, чьи ароматы смешивались с едва уловимым запахом крепкого кофе и старой бумаги.

Одиночество Софьи, столь часто вызывавшее притворные вздохи ее замужних знакомых, в этих стенах казалось не бременем, но величайшей привилегией. На стенах, выкрашенных в цвет бледного шалфея — оттенок весьма успокаивающий для глаз, утомленных дневными трудами, — покоились старинные гравюры в тонких рамах.

Конец августа за окном упрямо затапливал комнату прохладой. Для Софьи это было лучшее время. Петербургское преддверие осени дарило ей долгожданное спокойствие. Когда город кутался в вечерние сумерки, суета на улицах становилась тише, словно мегаполис убавлял громкость перед наступлением осени.

Вскоре наступит сентябрь, и природа облачится в то неброское, но исполненное тихого достоинства убранство, которое столь мило сердцу человека мыслящего и склонного к уединению. Пышная зелень лета, утомлявшая взор своим однообразием, уступит место благородным оттенкам охры, золота и увядающей бронзы. Всякий, кто обладал хотя бы малой долей истинного вкуса, не мог не находить особого очарования в этой негромкой перемене, столь далекой от кричащей роскоши весеннего цветения.

Привычными и легкими движениями, Софья открыла бу-

тылку любимого красного сухого вина. Аромат которого раскрывается фруктово-ягодными аккордами с нотами благоухающих садовых цветов, а щедрый вкус вина интригует богатой палитрой ягодных, фруктовых и цветочных нот, с продолжительным послевкусием. Наслаждаясь глубиной вкуса Софья начала размышлять...

В тишине своей квартиры Софья мысленно возвращается на Мойку, где сталкивается с незнакомцем, чей пронзительный взгляд глубоких синих глаз неожиданно выбивает ее из привычной колеи. Будучи человеком рассудительным и внимательным, она пытается подвергнуть эту встречу строгому анализу и объяснить ее игрой света или усталостью. Однако ее тело и внутреннее состояние продолжают сопротивляться логике, выдавая растерянность и бурю эмоций под маской петербургского холода и стойкости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.